

Говард Филлипс Лавкрафт

Собака

(The Hound)

Мой многострадальный слух продолжает улавливать звук прекращающегося, кошмарного стрекота, к которому примешивается еще один — похожий на слабый, отдаленный лай неведомой громадной собаки. Это, увы, не сон и, боюсь, даже не безумие, ибо все то, что случилось со мной за несколько последних месяцев, попросту не оставляет мне надежды на столь спасительное и милосердное объяснение происходящего.

Итак, Ст. Джон превратился в изуродованный, растерзанный в клочья труп. Лишь одному мне ведомо, как и почему это случилось, и я искренне сожалею об этом, ибо подобное знание способно разорвать мой мозг от дикого страха, что и меня самого может ожидать точно такая же участь. По темным, бесконечным коридорам жуткой фантазии бредет черная, бесформенная богиня возмездия — Немезида, — обрекающая меня на неминуемое самоуничтожение...

Возможно, когда-нибудь небеса простят нас обоих за те греховные, болезненные причуды, которые и стали причиной столь жестокой судьбы! Утомленные посещением традиционных мест паломничества, переполненных всеми остальными так называемыми «обычными» людьми, пресытившись радостями чувственного свойства и подустав от всевозможных приключений, которые постепенно стали казаться нам невыносимой преснятиной, мы со Ст. Джоном перебрали массу эстетических и интеллектуальных занятий, которые позволили бы нам избавиться от гнетущей, опустошающей скуки. На какое-то время мы увлеклись исследованием загадок символистов и экстатического творчества ранних эпигонов Рафаэля, однако довольно скоро охладели и к ним, ибо каждая новая любовь рано или поздно утрачивает свою приятную свежесть и пленительную новизну.

Спасти нас могла лишь мрачная философия декадентов, да и та оказывала свое целебное воздействие лишь благодаря постепенному углублению нашего проникновения в потаенные глубины этого дьявольского учения. Бодлер и Гюисманс вскоре перестали потрясать наше воображение, и потому нам не оставалось ничего иного кроме как испытать на себе воздействие непосредственных раздражителей, таящихся в личном опыте и приключениях самого что ни на есть авантюрного свойства. Именно эта окрашенная яркими эмоциями острая потребность в конечном счете и привела нас к тому мерзкому занятию, о котором я сейчас, даже находясь в состоянии дикого страха, вспоминаю с искренним раскаянием и стыдом, ибо его нельзя было назвать иначе как крайним проявлением человеческого порока и извращенности. Короче говоря, мы стали самыми настоящими раскапывателями могил.

Я не в состоянии привести здесь все подробности совершенных нами экспедиций или перечислить хотя бы малую часть тех жутких трофеев, которые «украшали» омерзительный музей, сооруженный нами в громадном каменном доме, в котором мы оба проживали — одни, без единого слуги. Трудно даже представить себе более

богохульное, чудовищное творение, чем этот наш музей, в котором с сатанинским, поистине невротически-виртуозным вкусом мы собрали коллекцию образчиков кошмарных, упадочнических творений, призванных возбуждать наши пресыщенные, чувственные натуры.

Музей наш располагался в потаенном месте, расположенном глубоко под землей. Разместившиеся в нем вырезанные из базальта и оникса громадные крылатые демоны исторгали из своих перекошенных, ухмыляющихся пастей струи причудливого, оранжевого и зеленого света, а незаметно расставленные органые трубы надрывно исторгали из себя калейдоскопические мелодии танцев смерти, в которых бесновались, кружась в диких хороводах, сцепившиеся руками и смешавшиеся в кучу багровые кладбищенские твари. Из этих же труб по нашей воле вырывались столь желанные и чарующие ароматы — то запах бледных погребальных лилий, то наркотические благовония последних обитателей умерших царствующих особ Востока, а то и — Боже! я даже сейчас не могу без содрогания вспоминать об этом! — чудовищная, наизнанку выворачивающая душу вонь свежеразрытой могилы.

Вдоль стен этой омерзительной палаты высились коробки с античными мумиями, среди которых, впрочем, попадались и вполне благопристойные, вполне натуралистичные, исполненные со всем мастерством таксидермиста чучела людей и животных, а то и надгробные камни, свезенные с древнейших кладбищ всего мира. Во вделанных в стены нишах покоились всевозможные черепа и даже целые головы, дошедшие до нас подчас в почти разложившемся состоянии. Там же можно было отыскать иссохшие, лысые макушки черепов известных благородных господ, равно как и свежие, лучезарно-золотистые головки только что захороненных младенцев.

В музее хранились и многочисленные статуэтки и картины, изображавшие различных зловещих существ, причем некоторые из них были делом наших собственных рук — Ст. Джона и меня самого. В закрытом, сделанном из смуглой человеческой кожи портфеле покоились неизвестные и поистине мерзостные рисунки, которые по слухам принадлежали кисти самого Гойи, хотя последний не осмелился признать за ними свое авторство. Были там и музыкальные инструменты — струнные и духовые, металлические и деревянные, — исторгавшие из себя самые что ни на есть тошнотворные звуки, на которых Ст. Джон и я временами сотворяли весьма причудливые, часто болезненно-нелепые и омерзительно-вычурные диссонансы. Что же до встроенных шкафов эбенового дерева, то в них и вовсе покоились бесчисленные и поразительные в своем многообразии образчики плодов труда кладбищенских воров, своим безумным свойством и извращенностью способные поразить любое человеческое воображение. Там же находился и тот самый предмет, о котором мне не следовало бы никому рассказывать — слава Богу, что я успел избавиться от него еще до того, как решился наложить на себя руки!

Те хищнические вылазки, которые позволяли нам приобретать все эти невероятные «сокровища», всякий раз представляли собой поистине виртуозные и потому надолго запоминающиеся мероприятия. При этом мы отнюдь не вели себя как какие-то заурядные кладбищенские воры, но работали исключительно при особом расположении и фазе луны, очертаниях ландшафта, в должном окружении, при определенной погоде и

в конкретное время года. Подобные забавы являлись для нас способом достижения самого утонченного эстетического самовыражения, и мы всегда с неизменной тщательностью заранее прорабатывали их мельчайшие детали. Неподходящий час, неподобающее освещение или отвратительное состояние влажной почвы могли совершенно свести на нет то экстатизирующее, трепетное состояние, которое возникало при эксгумации некоторых особо зловещих и мрачных секретов земли. Наша тяга к новизне и пикантным условиям работы носила поистине лихорадочный, ненасытный характер — при этом Ст. Джон неизменно выступал в роли лидера и именно он привел меня к тому нечестивому, проклятому месту, которое и навлекло на нас все эти неисчислимы и неизбежные напасти.

По какому же зловещему зову рока уступили мы тогда собственному влечению и пришли на то ужасное голландское кладбище? Пожалуй, в основе всего этого лежали темные слухи и легенды, источник которых на протяжении более чем пяти столетий лежал в земле, ибо сам в свое время был кладбищенским вором, похитившим из таинственной усыпальницы хранившийся в ней зловещий предмет. Я до сих пор отчетливо помню последние мгновения, предшествующие нашему открытию: бледная осенняя луна, зависающая над могилами и отбрасывающая повсюду ужасные тени; гротескные деревья, угрюмо склонившие свои спутанные ветви над зарослями неухоженной травы и рассыпающимися надгробиями; бесчисленные полчища небывало крупных летучих мышей, снующих на фоне сизовато-бледной луны; густо увитая плющом древняя церквушка, устремившая в серовато-синее небо свой громадный, призрачный палец-шпиль; фосфоресцирующие насекомые, снующие в похожем на мерцание свечи у гроба покойника беспокойном и бесконечном танце под притулившимся в дальнем конце кладбища вековым тисом; запахи влажной земли, сопревшей растительности и еще чего-то уже менее понятного, смешавшиеся с доносящимися с моря и близлежащих болот ночными ароматами; и, самое ужасное — едва уловимый, низкий, глухой лай какой-то гигантской собаки, которую мы ни разу не видели и даже не представляли себе, где именно она находится. Едва услышав тогда этот намек на слабый лай, мы невольно встrepенулись, поскольку на память сразу пришли имевшие хождение среди местных крестьян сказания — ибо тот, могилу которого мы столь усердно разыскивали и наконец отыскали, много веков назад был найден на этом самом месте, растерзанный и изуродованный когтями и зубами какого-то неведомого зверя.

До сих пор я помню, сколь энергично вгрызались мы в могилу этого кладбищенского упыря и сколь потрясло нас то, как должны были мы смотреться в те минуты со стороны: могила, бледная, наблюдающая за нами луна, чудовищные тени, причудливые деревья, титанические летучие мыши, античная церковь, танцующие мертвенные огоньки насекомых, одуряющие запахи, слегка постанывающий ночной ветер и странный, едва различимый лай неведомого существа, в самом существовании которого мы отнюдь не были тогда уверены.

Наконец наши лопаты наткнулись на что-то более твердое, чем сырая земля, и вскоре нашим взорам предстал покрытый коростой минеральных отложений полуистлевший продолговатый ящик. Впрочем, на поверку он оказался необычайно крепким и тяжелым,

но нам все же удалось — хотя и с большим трудом — откинуть крышку, после чего мы с нетерпением стали всматриваться в его содержимое.

Несмотря на миновавшие с тех времен пять столетий, большая — как ни странно, но действительно большая — часть этого самого содержимого достаточно хорошо сохранилась. Скелет, хотя и истерзанный и смятый в некоторых местах челюстями неведомого существа, практически не распался на части, и мы с вождленным любопытством взирали на чистый и белый череп, длинные крепкие зубы и пустые глазницы, которые некогда так же, как и наши собственные глаза в данный момент, горели лихорадочным, алчущим пламенем.

В гробу также лежало что-то похожее на амулет довольно странной и весьма экзотической формы, который, судя по всему, когда-то был на шее усопшего. На амулете было запечатлено символическое изображение присевшего на задние лапы крылатого зверя, а возможно, и сфинкса, с похожей на собачью мордой, и все это с типично античным восточным изяществом было вырезано из небольшого куса зеленого жадеита. Облик крылатого существа поражал своей подчеркнутой омерзительностью, словно воплотившей в себе одновременно смерть, бесстыдство и злобу. Изображение было окружено надписью, исполненной на языке, о котором ни я, ни Ст. Джон не имели ни малейшего представления, а на тыльной стороне, подобно личному клейму мастера, был выгравирован гротескный и угрожающий череп.

Едва увидев этот необычный амулет, мы сразу же решили, что он должен принадлежать только нам; что это сокровище являлось логичной и естественной наградой за копание в этой многовековой могиле. Даже если бы его очертания носили и более таинственный характер, мы и тогда бы возгорелись желанием заполучить его. Между тем, присмотревшись к нему повнимательнее, мы обнаружили, что он нам даже отчасти знаком. Несмотря на то, что любому нормальному здравомыслящему исследователю литературы и искусства он показался бы совершенно непонятным и диковинным творением, мы сразу же поняли, что именно об этой вещице смутно намекал «Некрономикон» — запретное творение безумного араба Абдул Альхазреда. Это был зловещий символ души, имевший хождение среди членов таинственного культа пожирателей трупов, гнездившегося где-то в Центральной Азии, в гуще недоступного и непроходимого Лэнга. Мы слишком хорошо помнили его грозные черты, описанные старым арабским демонологом, особо подчеркивавшим, что он срисовал их с некоторых темных, сверхъестественных образов душ тех существ, которые издревле терзали и грызли плоть умерших.

Изъяв жадеитовый амулет, мы бросили прощальный взгляд на выбеленное, зияющее черными глазницами лицо его обладателя, после чего снова забросали могилу землей. Удаляясь от этого мрачного места — амулет лежал во внутреннем кармане Ст. Джона, — мы увидели — а может, нам это просто показалось? — огромную стаю летучих мышей, с жадностью набросившихся на недавно вывороченную нами землю и словно выискивавших в ней некое проклятое, нечестивое лакомство. Впрочем, осенняя луна светила слабо, урывками, а потому все это действительно могло нам лишь померещиться.

Следует также добавить, что когда на следующий день мы пароходом покидали Голландию, возвращаясь к родным берегам, нам вроде бы показалось, что мы слышим

слабый, отдаленный лай какой-то огромной собаки. Но и тогда в наших ушах колыхался осенний ветер — стонущий, подвывающий, — а потому мы не могли сказать с определенностью, было ли все это на самом деле.

Менее чем через неделю после нашего возвращения в Англию, начали происходить странные вещи. Как я уже говорил, жили мы в полном одиночестве, без друзей и даже слуг, занимая несколько комнат старинного особняка, который стоял неподалеку от унылого и глухого болота, а потому нам крайне редко доводилось слышать, чтобы какой-то посетитель стучался в дверь нашего дома.

Однажды поздно вечером нас немало встревожило то обстоятельство, что в ночи действительно кто-то бродил, причем не только возле дверей, но также и под окнами! В какой-то момент, когда в окне библиотеки виднелась сияющая луна, нам показалось, что ее ненадолго заслонил некий крупный темный объект; потом у нас возникло ощущение, что мы слышим раздающиеся неподалеку от дома странные звуки — это был то ли шелест, то ли какое-то хлопанье. Разумеется, в каждом случае мы все тщательно осматривали и проверяли, а потому под конец стали более спокойно объяснять случившееся, считая, что оно порождено лишь богатым воображением, которое все еще вызывало в нашем сознании тот слабый, отдаленный собачий лай, который мы слышали на голландском кладбище. Что же до жадеитового амулета, то он хранился в одной из ниш нашего музея, и время от времени мы зажигали перед ним специальную, причудливо ароматизированную свечу. Помимо всего прочего, мы несколько раз перечитали «Некрономикон» Альхазреда, особенно те его места, где речь шла о взаимодействии душ призраков и олицетворяющих их предметов, и, надо признать, прочитанное неизменно вызывало в наших сердцах чувство заметной тревоги.

Но вскоре после этого начался настоящий кошмар.

В ночь на 24 сентября 19... года раздался стук в дверь моей комнаты. Подумав, что это Ст. Джон, я предложил стучавшему войти, но в ответ услышал лишь пронзительный хохот. Выглянув наружу, я обнаружил, что в коридоре никого нет. Я сразу же разбудил Ст. Джона, но тот уверил меня, что не имеет ни малейшего понятия о том, что случилось, и встревожился не меньше меня. Именно в ту ночь слабый, отдаленный лай над болотом стал для нас обоих конкретной и пугающей реальностью.

Четыре дня спустя, когда мы оба находились в нашем музее, до нас донесся звук осторожного, вкрадчивого царапанья, доносившийся со стороны двери, ведущей к единственной потайной лестнице в библиотеку. На сей раз мы не на шутку испугались, причем к традиционному страху перед неведомым теперь примешивались заметно усилившиеся опасения, что о нашей тайной коллекции кому-то стало известно.

Погасив свет, мы подошли к двери и резким движением распахнули ее — и тут же почувствовали, как в лицо нам ударил сильный поток воздуха; кроме того мы явственно услышали затихающий вдали звук, точнее даже причудливую смесь звуков: это было то же загадочное шуршание, сопровождающееся нелепым хихиканьем и совершенно нечленораздельным бормотанием. В тот момент мы так и не поняли, сошли ли оба с ума, пребываем ли в полном душевном здравии, или же все это нам лишь только снится. И лишь одно обстоятельство было совершенно очевидно для наших вконец напуганных

рассудков, а именно то, что это бормотание было не чем иным, как невнятной речью на голландском языке.

С того самого вечера все наше существование было отмечено знаком нарастающего ужаса и одновременно какой-то нелепой, зловещей зачарованности. Чаще всего мы объясняли происходящее тем, что все эти противоестественные эксперименты попросту постепенно лишают нас обоих рассудка, хотя нередко у нас возникало соблазнительное желание посчитать себя жертвами некоего жестокого и неотвратимого рока.

Между тем странные факты и явления стали настолько частыми, что все их невозможно было даже перечислить. Наш уединенный дом словно бы наполнился существованием невидимого зловещего существа, природа которого оставалась для нас совершенно непонятной, и буквально каждую ночь ветер доносил до нас со стороны болота этот самый демонический собачий лай, который с каждым разом становился все громче и отчетливее.

29 октября мы обнаружили на мягкой почве под окнами библиотеки чьи-то следы, хотя было совершенно невозможно определить, кому именно они принадлежали. Они оставались для нас столь же неразрешимой загадкой, как и орды летучих мышей, которые стали с беспрецедентной настойчивостью и во все возрастающем количестве осаждают наш старинный особняк.

Своей кульминации весь этот ужас достиг поздно вечером 18 ноября, когда Ст. Джон возвращался домой с какой-то отдаленной железнодорожной станции и был атакован неведомым плотоядным существом, чуть ли не в клочья разорвавшим его тело. Истошные вопли друга донеслись до меня, и я немедленно поспешил ему навстречу, однако смог застать лишь шелестящее хлопанье чьих-то крыльев, да заметить черный, размытый силуэт непонятного существа, промелькнувший на фоне восходящей луны.

Мой друг явно умирал, и потому не мог хоть сколь-нибудь внятно отвечать на мои возбужденные вопросы. Единственное, на что ему хватило сил, это на то, чтобы прошептать:

— Амулет... эта проклятая тварь...

После чего окончательно затих, превратившись в грудку истерзанной, окровавленной плоти.

В следующую полночь я похоронил его в одном из заброшенных садов и прочитал над могилой одно из тех дьявольских ритуальных заклинаний, которые он так любил при жизни. В те мгновения, когда я уже заканчивал последние фразы, со стороны болота снова послышалось все то же лающее завывание огромной собаки. Луна ярко светила на небе, однако я не решился поднять на нее свой взгляд, а когда заметил появившееся в районе едва различимого болота громадную, расплывчатую тень, грузно перескакивавшую с кочки на кочку, то и вовсе закрыл глаза и бросился на землю, уткнувшись в нее лицом.

Не знаю, как долго я так пролежал, однако, наконец поднявшись, с трудом доковылял до нашего — теперь уже моего — дома, где совершил один из зловещих ритуалов

почитания и преклонения перед нишей, в которой покоился тот самый амулет из зеленого жадеита.

Чувство страха не позволяло мне больше оставаться одному в этом старом доме на болоте, а потому уже на следующий день я переехал в Лондон — с собой я взял лишь амулет, всю остальную же нашу нечестивую и богопротивную коллекцию сжег, а прочее — закопал в саду.

Несмотря на это, через трое суток лай возобновился, а еще через неделю я поймал себя на мысли о том, что как только за окном сгущается темнота, постоянно ощущаю на себе чей-то напряженный взгляд. Однажды вечером, выйдя на набережную Виктории, чтобы просто подышать свежим воздухом, я заметил, как что-то темное на миг заслонило в воде световой блик одного из уличных фонарей. В ту же секунду я вновь ощутил резкий порыв ветра, и только тогда до меня дошло, что та же участь, которая постигла Ст. Джона, неотвратимо надвигается и на меня самого.

На следующий день я тщательно упаковал жадеитовый амулет и пароходом отплыл в Голландию. Я совершенно не представлял, какую пользу смогу извлечь из того, что попросту верну его прежнему безмолвно спящему владельцу, однако чувствовал, что должен перепробовать все мало-мальски логичные средства. Что именно это была за собака и почему она преследовала меня, продолжало оставаться полнейшей загадкой, но именно там, на старом голландском кладбище я впервые услышал тот зловещий лай, и все последующие события, в том числе и предсмертный шепот Ст. Джона, неизменно указывали на существование некоей таинственной связи между ними и фактом похищения амулета. Можно представить себе, в какую бездну отчаяния я погрузился в тот момент, когда обнаружил, что проникшие в роттердамскую гостиницу воры похитили из моего номера то самое единственное средство, с которым я теперь связывал все надежды на собственное спасение.

В тот вечер собачий лай показался мне особенно сильным, а наутро я прочитал в газете про чудовищное преступление, совершенное в одном из наиболее мрачных районов города, население которого пришло в ужас от совершенной там кровавой трагедии. Как выяснилось, все члены семьи, населявшей один из воровских притонов, были буквально в клочья растерзаны неведомым и бесследно исчезнувшим существом, а жившие по соседству обитатели таких же трущоб заявляли, что всю ночь слышали слабый, отдаленный, непрекращающийся лай какой-то огромной собаки.

Таким образом, я вновь оказался на том же мерзком кладбище; зависавшая в небе бледная луна отбрасывала кругом жутковатые тени, голые деревья мрачно склоняли свои ветви над иссохшей, схваченной морозом травой и покосившимися надгробиями, увитая стеблями плюща церквушка насмешливо протыкала своим пальцем неприветливое небо, а над замерзшими болотами и ледяными водами моря зловеще завывал ночной ветер. Теперь собачий лай был едва слышен, а когда я приблизился к той древней могиле, которую сам же в недавнем прошлом разграбил, смолк вообще. При моем появлении в небо взмыла неестественно большая, просто громадная стая летучих мышей, перед этим настойчиво кружившая вокруг этого места.

Не знаю, пришел ли я туда лишь для того, чтобы помолиться, а может, чтобы

пробормотать одно из наших безумных заклятий, прося прощения у лежавшего под землей белесого покойника; однако, как бы там ни было, я буквально набросился на эту землю, стал раскапывать ее, отбрасывая скованный морозом дерн, причем в те минуты моими действиями руководили отчасти мое собственное отчаяние, а отчасти и навязанная извне чья-то воля.

Раскопки оказались в общем-то гораздо более простым и легким делом, нежели я предполагал прежде, если не считать одного непредвиденного и довольно странного препятствия — когда с пронизанного холодом неба камнем свалился исхудавший, совсем отощавший ястреб, принявшийся неистово клевать и разгребать тонкими ногами лежавшие вокруг меня комья земли, покуда я не убил его ударом лопаты. Наконец я добрался до того самого продолговатого деревянного ящика и сбросил с него омерзительно осклизлую крышку. В сущности, это было последним моим осознанным и вполне разумным действием.

Внутри этого созданного много веков назад гроба облепленное телами огромных, жилистых, словно иссохших спящих летучих мышей, лежало то самое костлявое существо, могилу которого некогда разграбили я и мой ныне покойный друг. Но теперь скелет был отнюдь не таким чистым и аккуратным, каким мы увидели его в тот, первый раз — сейчас его покрывали сгустки запекшейся крови, лохмотья чужеродной плоти и волос. Из гроба на меня плотоядно взирали фосфоресцирующие глазницы, а острые, обогранные кровью клыки алчно поблескивали, словно намекая на неотвратимо надвигающуюся на меня погибель. Когда же из этих искаженных дьявольской усмешкой челюстей вырвался низкий, сардонический лай, словно исторгнутый некоей громадной собакой, и в окровавленных, полуразложившихся руках-лапах промелькнули очертания того самого утерянного мною рокового жадеитового амулета, я едва нашел в себе силы издать истошный вопль, после чего со всех ног бросился прочь от того места, перемежая панические крики всполохами истеричного хохота.

Скачет безумие, оседлавшее звездный ветер... за долгие века пожирания трупов отточились зубы и когти... кровавая смерть каплями стекает на летучих мышей, устроивших свою очередную оргию над черными как ночь развалинами захороненных храмов Белиала... Сейчас, когда чудовищный лай той мертвой, бестелесной твари с каждой минутой становится все громче и громче, а шелест и хлопанье проклятых перепончатых крыльев все быстрее приближается ко мне, заряженный револьвер остается моим единственным средством к спасению и забвению, способному избавить меня от неведомой мне, а пожалуй и вообще не имеющей названия злобной силы.

Перевод: Э. Серова

1993 год